

С. В. Левковец²

ОБ ОПЫТЕ РАБОТЫ ВАЛЬДОРФСКОЙ ШКОЛЫ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Я хотела бы высказаться от лица школы, которая не нуждается в том, чтобы двигать педагогов к каким-то новациям. У нас противоположная проблема: мы пытаемся вписать в рамки стандарта тех учителей, которые очень хотят работать творчески.

Приведу пример. В нашей школе с 1-го по 8-й класс все предметы ведет один учитель — попытайтесь представить себе, как это вписывается в стандарт. В последнее время становится все труднее, потому что требования к учителю возрастают. Теперь,

если он преподает, скажем, в 7-м классе, то должен пройти аттестацию по всем предметам. А ведь когда учитель ведет все предметы, мы видим, насколько это осмысленно и обоснованно. Но это невозможно делать в рамках стандарта.

²Заведующая учебной частью Вальдорфской средней школы.

Один из методов обучения в нашей школе — погружения. Что происходит с проверяющим, когда он видит, как заполняются наши журналы? Он открывает журнал и говорит: «Вы что, с ума сошли? Что у вас здесь написано?» Я отвечаю: «Это наш метод». Мы получили миллион бумаг, подтверждающих наше право на такую программу, и стандарт это позволяет, но проверяющие раз за разом пытаются доказать, что это невозможно.

То же самое с итоговой аттестацией. В нашей школе, например, с 1-го по 8-й класс ученикам не ставят оценок — но это тоже вырастает в проблему! Или попробуйте изменить хоть одну букву в программе. К вам придет проверяющий и скажет: «А меня не интересует, по какой программе вы работаете. Даже если она защищена в Москве». У нас официальная

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Какие главные барьеры мешают вам реализовывать собственную программу?

С. В. ЛЕВКОВЕЦ: — К тому, что я перечислила, можно добавить учебники, которых у нас нет, и мы должны их обязательно написать. А раз мы написали учебники, значит, должны им соответствовать. Если обобщить все проблемы, то это невозможность сформировать независимое мышление учеников, связанное с эстетическим воспитанием.

Если у человека не формируется образ целого, то он вынужден все время следовать за параграфом. Это сильно нарушает взаимодействие с ребенком. Когда он учится строго по учебнику, то есть по штампу, это не позволяет ему делать что-либо самостоятельно. Возможен вырваться из штампов и действовать независимо перекрывается. Люди, которые не боятся потерять работу и движутся вперед, конечно, могут все это преодолеть. Но условий для этого никто, в том числе государство, не создает. Остается только уповать на родителей и на частный бизнес. Если родителям запретить вообще все, то у нас будут учиться дети учителей. И в вальдорфской школе действительно обучаются дети педагогов — это контингент детей тех родителей, кто знает, что такое хорошее образование.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Я думаю, что главная проблема — это крайне малые возможности школы определять собственные стандарты. Всякая попытка расширения внешних стандартов ведет к тому, что ограничиваются возможности для проявления собственного педагогического потенциала школы.

М. Н. КУЗЬМИН: — Одно выступление навеяло воспоминания далеких лет. Я поддерживаю идею, которую реализует школа в Петрозаводске. Я окончил школу в 1949 г. Это была мужская школа, как было положено в то время в больших городах. За два года до окончания мы придумали нечто похожее, только это называлось «комсомольский клуб». Мы «выбили» себе возможность раз в две недели встречаться с теми же классами соседних женских школ.

Что-то в этом воспитании в мужской школе было плюсом, что-то минусом. Во всяком случае, нам это позволило быть более гармоничными. Я назову фамилии двух замечательных людей, которые имели отношение к организации и жизни нашего клуба. Его основателем стал Борис Грушин, к сожалению, недавно ушедший, известный социолог и глава целой службы в Оксфорде, а одним из активистов

программа, она действительно защищена в Москве. Но когда мы проходили аттестацию, я специально обратилась на нашу кафедру управления: «Дайте нам тесты по нашей программе, пожалуйста». Вы догадываетесь, что мне ответили.

Чтобы пройти аттестацию, чтобы школа вообще осталась жить, нам приходится заниматься всевозможным «изобретательством». В последние годы давление государства еще возросло. Приведу пример. У нас система не кабинетная — дети обучаются в одном и том же помещении. Но к нам приходит начальство и интересуется: «Где кабинет ОБЖ? У вас должен быть такой кабинет с плакатами на стенах». В итоге мы каждый месяц платим 3 тыс. руб. за то, что у нас нет кабинета ОБЖ. Но зачем детям плакаты на стенах — это же неэстетично!

* * *

был не менее известный человек — журналист Егор Яковлев, тоже, увы, ушедший. Благодаря им у нас получилось если не окно в Европу, то хоть какая-то форточка во внешний мир, которая нас, в общем, сделала отличными от других школ.

А. М. ЦИРУЛЬНИКОВ: — Я хочу предложить возможные обобщения. В связи с тем, что ничего не меняется, хотя все этого желают, можно попытаться осмыслить пять пунктов.

1. Социально-образовательная ситуация. 20 лет назад, когда шла школьная перестройка и приветствовались педагоги-новаторы, мы с М. Н. Кузьминым работали в одном ВНИКе — временном научно-исследовательском коллективе. Потом один из членов нашего ВНИКа стал министром образования, и все как-то стало разворачиваться. В те годы начались преобразовательные процессы, и до сих пор они по инерции кое-где продолжают — это то, о чем здесь говорили педагоги. В школах есть внутренние стандарты, технологии — все это накоплено на разных инновационных площадках. Но я хочу обратить ваше внимание на то, что тогда, 20–25 лет назад, в общественном сознании был некий инновационный слой, а теперь его нет.

2. С массовой школой и тогда, и сейчас дела обстоят плохо.

3. Социокультурная ткань. Все эти модернизации — капля в море. Их опыт пропадает втуне. А ведь это не местные особенности, а явления, которые, собственно, и обуславливают успех или провал модернизации и реформ в целом.

4. Другое представление о качестве образования. Я знаю как минимум 10 трактовок того, что есть качество образования. Не буду их перечислять — важно понять, что их много, то есть реальность неоднородна.

5. Институциональные процессы, то есть связанные с общественно-государственным образовательным договором. Надо, чтобы не только государство выдвигало какие-то инициативы, а чтобы формирование образовательного договора осуществлялось между обществом и государством, с участием семьи, школы и т. д. Чтобы создавались всевозможные сети — горизонтальные, параллельно-вертикальные и пр. Мы начали говорить и писать об этом еще в 2002 г. В Петербурге есть агентство образовательного сотрудничества, которое собрало материалы по всем педагогическим сетям России и издало книгу «Российское образование. Сетевой подход».

О. В. ДОЛГАНОВА¹: — К вопросу об анализе. Может быть, действительно мы недостаточно знаем все то хорошее, что у нас было.

Приведу пример. Недавно мы с коллегами обсуждали аналитический доклад об успешных образовательных системах в мире, то есть о тех системах, которые занимают первые места в рейтингах по качеству образования. Как они добиваются этого качества, что они делают в этом направлении? Оказалось, они практикуют то, что у нас было всегда: учителя учатся друг у друга. Выделяются успешные педагоги, и им предоставляется право делиться опытом. Отсюда же вытекает лидерство в школе: эти учителя могут организовать такую работу, поделиться своим опытом, научить этому других.

Следующий аспект касается подготовки педагогов. На начальном этапе подготовки очень большое внимание уделяется практике: начинающего учителя помещают в класс, и он работает с вместе с опытным коллегой. И дальше молодого учителя консультирует опытный наставник.

К. Г. МИТРОФАНОВ²: — У меня больше вопросов, чем ответов. Мы говорим, что ничего не происходит, но это означает, что и жизни нет. На самом деле происходит очень многое, но независимо от нас и не то, что задумывалось 20 лет назад. Я бы поддержал мысль Елены Ивановны: мы говорим на разных языках, в то время как принципиально необходимо определить язык, которого мы будем придерживаться при обсуждении наших проблем. Кто-то говорит на организационно-логическом языке, и тогда возникают вопросы стандартизации и нормирования. Кто-то пытается высказываться феноменологически, описывая те или иные собственные опыты. Кто-то вообще пытается перевести беседу в ценностное русло. Проглядывают какие-то идеи проективности — любопытно, если рассматривать школу как жизнь. Кстати, чью жизнь? Если ученика, то это десятилетний проект, не им созданный. Он к нему если и имеет отношение, то не как проектировщик. Эта тема задала несколько важных точек напряжения или точек различия. Вначале у нас появилось любопытное различие между идеальными и реальными объектами. Это перспективная тема — не только в интеллектуальном плане, но и в практическом, потому что это различие теоретического и практического знания. Наш разговор — классическое различие между образованием и подготовкой. Эти различия могут рассматриваться не как альтернативы, а как некая иерархия. И тогда предмет вопроса меняется. Это первая точка напряжения, которая мне кажется очень перспективной. Можно осмысленно возвращаться к вопросу о компетентности.

Когда зашел разговор, косвенно связанный со стандартизацией, точка напряжения возникла между унификацией и дифференциацией. С одной стороны, одно без другого существовать не может, с другой — это два объективных процесса, которые характеризуют изменения в школе. С одной сто-

роны, происходит унификация, с другой — явное стремление и потребность в особенности. Отсюда прямой вопрос к тому тексту, который был представлен. Потому что я там тоже вижу некоторую точку, которая сейчас обсуждалась. Мы обсуждаем вопрос о стандартизации, по крайней мере, в двух модальностях: в модальности должного и в модальности возможного, а здесь есть некоторое противоречие. Мы попытались снять его в тексте, задав, извините, должные возможности. Странная вещь, вроде бы текстовая. Но если мы говорим о стандартизации, то встает вопрос договора, формы нормирования. Если это договор, то между какими сторонами? Или это вменение? Внутренний стандарт школы — это стандарт, который люди вроде бы сами принимают, помимо федерального и регионального. Мы берем на себя какие-то обязательства, и тогда возникает принципиальный вопрос процедуры местного школьного стандарта. Если эта процедура выбора из списка и я могу взять на себя обязательство, то, например, берем пункт 10: «рациональное использование времени на домашнюю работу учащихся, отказ от обязательных занятий». Это же вопрос некоторой внутренней договоренности и взятия на себя обязательств, а опять-таки не вменение.

Принципиальный вопрос — процедура и выбор из списка и далее уточнение. К примеру, пункт 5: «возможность для учащихся и их родителей высказывать свое мнение о качестве образовательного процесса». Где, при каких условиях — это может определить только школа. Это есть взятие обязательств. Процедура получается — снятие напряжения между возможным и должным.

Мы задаем очень серьезные вопросы. Пусть рассматривая частные случаи, теоретизируя, на разных языках, но пытаемся разговаривать о жизни школы, об ее организации. Поэтому такая схема, как мне кажется, выхолощена, она принципиальна и потому пуста. Тут нельзя говорить о культуре ученика и учителя — скорее о бескультуре как форме культуры. И тогда это надо рассматривать как некоторую множественность, как вариант. Так что это вопрос выбора. Еще раз прошу прощения — у меня больше вопросов, чем заключений.

О. Е. ЛЕБЕДЕВ: — Спасибо большое. Во-первых, я думаю, что смысл нашей сегодняшней работы заключался в том, о чем говорила Ольга Васильевна: мы учились друг у друга — разным взглядам, разному пониманию, решению разных вопросов.

Во-вторых, Кирилл Германович сейчас обозначил многие проблемы, на которые мы сегодня не можем дать определенного ответа. И это тоже результат нашей работы, потому что мы создаем базу для размышлений и последующих обсуждений. Замечания Кирилла Германовича снимают вопрос относительно судьбы проекта рекомендаций, который был отчасти провокационным. Очевидно, что принять какой-то документ в рамках секции вряд ли возможно. Скорее всего, его можно использовать для внутришкольных обсуждений, потому что все те условия, о которых идет речь, — это условия, которые сама школа может принять, задать себе и нести ответственность за их выполнение. Поэтому вряд ли сейчас имеет смысл обсуждать сам документ, давайте рассмотрим его как возможную базу для последующих обсуждений в рамках конкретной школы.

¹ Учитель английского языка и директор лингвистического центра в Московской высшей школе социально-экономических наук.

² Заведующий кафедрой методики преподавания истории Московского городского педагогического университета, кандидат педагогических наук, доцент.

В-третьих, хочу сказать о тех изменениях, которые происходили и происходят в системе образования. Они не всегда видимы и не всегда оценены; возможно, тех изменений, которые ожидалось, не произошло. Поэтому обращаю ваше внимание на идею одного проекта, который рождается в Центре изучения образовательной политики. Было предложено посвятить очередную февральскую конференцию этого Центра теме, условно названной «20 лет спустя». В 1988 г. состоялся Всесоюзный съезд работников образования, на котором и были заявлены новые идеи, концепции. Мы предполагаем обсудить судьбу тех концепций, которые заявлялись в 1988 г., — что получилось, что нет, каковы реальные результаты и каким образом, исходя из этого 20-летнего опыта, мы могли бы прогнозировать развитие системы образования не на 20 лет вперед, а на 12? Исходя из ответов на вопросы, что изменилось, а что не изменилось за 20 лет, мы могли бы попытаться определить, что возможно изменить в ближайшие 12 лет и при каких условиях эти изменения могут произойти. Вот что мне казалось важным сказать в заключение нашей работы.

Ю. В. СЕНЬКО: — Как я понял, Кирилл Германович говорил, прежде всего, о некоторой методологической культуре, которая так или иначе нашу дискуссию могла бы ввести в какие-то конструктивные рамки. Схема, которую я предложил, не менее мертва, чем любая другая. Вообще все схемы мертвы по определению — возьмите хотя бы географические карты. Чтобы в карту вдохнуть жизнь, надо включиться в практику. Когда речь идет о жизни, то смысл заключается не в квадратах схемы, а в движении — в стрелках и переходах. Что касается предложенных рекомендаций, то мне кажется, что следует учесть несколько позиций. Я думаю, что эти рекомендации нужно напрямую связать с темой нашей секции «Школа как образ жизни». Это один момент. Второй момент — я думаю, что число предложений можно существенным образом сократить за счет объединения Обсуждение рекомендаций по поводу гарантий лучше

снять, тем более что полную гарантию, как известно, не может дать даже страховой полис. И еще: эти рекомендации должны быть, как мне кажется, включены в контекст общей темы Лихачевских чтений.

Е. П. ТОНКОНОГАЯ: — Я очень рада видеть в стенах нашего Университета такое большое количество ученых и педагогов вместе. Это стало знаменем времени. Наш разговор ведется на очень серьезном уровне.

Я старый учитель, много лет имела отношение к школе. Хочу отметить, как выросли вы, мои дорогие, по сравнению с теми учителями, с которыми я в свое время работала, и с тем уровнем, который имела я сама. Мы все теперь теоретики. Большую роль в этом сыграла наша Академия постдипломного педагогического образования.

Сегодня весь наш форум посвящен памяти академика Лихачева, который часто бывал в этих стенах, и мы имели счастье его слушать. Но я хотела бы, чтобы на следующей встрече у нас в Университете мы поговорили о воспитании в школе. Потому что Дмитрий Сергеевич больше всего болел, с моей точки зрения, за воспитание молодежи. В библиотеке я нашла больше 100 работ Дмитрия Сергеевича, где он затрагивал вопросы воспитания. Причем он очень серьезно говорил о таких вещах, на которые наша педагогика и, к сожалению, наша практика обращают очень мало внимания.

Он писал о том, что мы должны говорить с нашими воспитанниками о смысле жизни, о жизненных ценностях, чего мы почти не делаем. И очень часто упускаем молодежь в воспитательном плане. Поэтому я хотела бы, чтобы, памятуя о том, что Дмитрий Сергеевич завещал нам, мы в следующий раз поговорили о воспитательных проблемах.

Хочу поблагодарить вас всех. Я очень рада, что вы так интересно выступали здесь сегодня. Это всем нам пойдет на пользу, и я надеюсь на наши будущие встречи. Спасибо большое! Всего вам доброго, здоровья и успехов!

² Профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук.